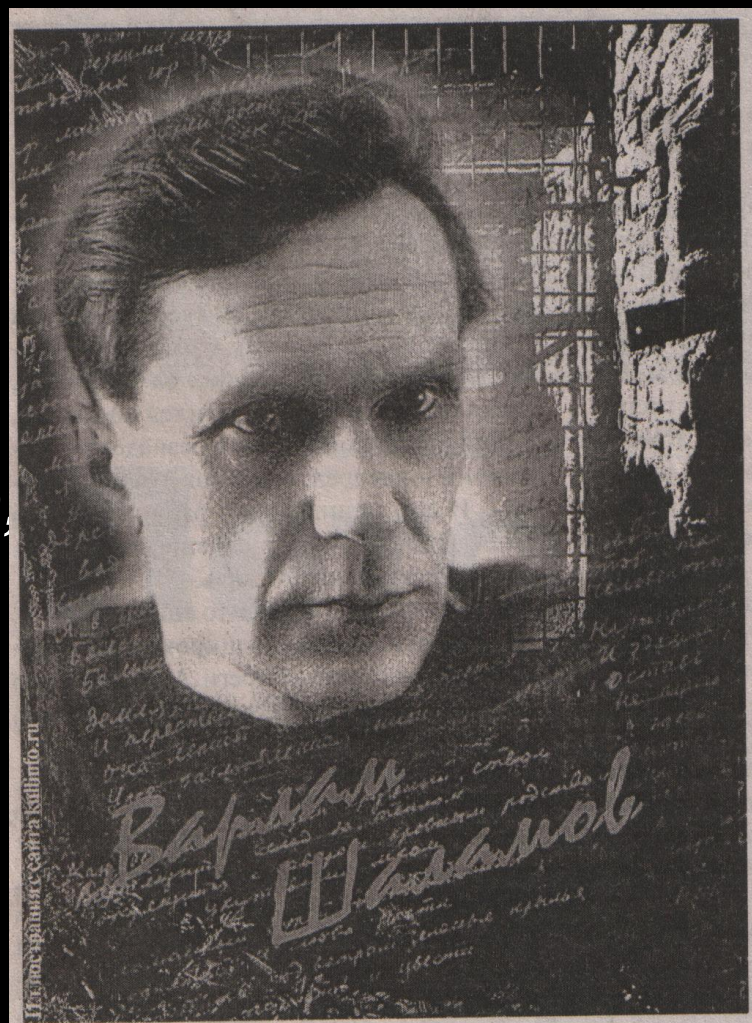

Варлам Шаламов (1907 – 1982, 17 января)

*"Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей."
(«Жар-птица»)*

...Варлам Тихонович Шаламов родился в 1907 году в Вологде, в семье священника. Отец его был человеком прогрессивных взглядов, поддерживал связи со ссыльными, жившими в Вологде. В своей автобиографической повести о детстве и юности "Четвертая Вологда" Шаламов рассказывает, как формировались его убеждения, как жажда справедливости стала для него чем-то вроде навязчивой идеи.

- В 1924-м Шаламов уезжает в Москву и, два года проработав дубильщиком на кожевенном заводе, поступает в МГУ на факультет советского права, при этом активно участвуя в бурлящей столичной жизни: митинги и литературные диспуты, демонстрации и чтение стихов...
- 19 февраля 1929 года Шаламов был арестован за "антисоветскую пропаганду" и был приговорен к трем годам лагерных работ на Северном Урале.
- «Вернулся в Москву в 1932 году «и крепко стоял на всех четырех лапах». Стал работать в журналах, писать, перестал замечать время, научился отличать в стихах свое и чужое... Готовилась книжка рассказов. План был такой: в 1938 году первая книжка прозы. Потом вторая книжка. Сборник стихов».

Варлам ШАЛАМОВ

Лёша Чеканов, или Однодельцы на Колыме

* * *

Я забыл погоду детства,
Теплый ветер, мягкий снег.
На земле, пожалуй,

средства
Возвратить мне детство нет.

И осталось так много
В одной памяти моей —
Васильковые дороги
В красном солончаке

Запах ягоды-кислицы,
Можжевельных уступов
И желтых цветов.

Подсыхающих цветов.
Это всё не мое село
И в любой любви стране.

Этим сердцем убогим
Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

Если горько было тебе

"В ночь на 12 января 1937 года в мою дверь постучали..."

«Пять лет колымских лагерей. Золотые прииски, таежные «командировки». Больничные койки. Бухта Чагаево, прииск Аркагала, Черное озеро, «Партизан», Джелгала...»

Лёша Чеканов, потомственный хлебороб, техник-селекционер, а затем инженер-механик на рамах 69-й камеры Бутырской тюрьмы весной и летом 1937 года.

Так же, как и многим другим, я как староста камеры оказал Лёше Чеканову первую помощь: сделал ему первый укол, инъекцию эликсира бодрости, надежды, любви, красоты и счастья. Он был бледен, как мрамор, карштенного состава, необходимо человеку в тюрьме, особенно в одиночке. То же чувство бластные, с многолетним опытом им отказать не удалось, важнее всего было три слова: «Держись, не бойся и не проси».

Лёша Чеканов был инженером-механиком в июле в дальние колымские края. Лёша был осужден в один и тот же день со мной, осужден по одной статье на одинаковый срок. Нас везли на Колыму в одном вагоне. Мы мало оценили коварство начальства — из земнотоя Колыма должна была

технических врагов государства — вот главная роль бригадира на приисках, да еще и таким образом обеспечивала лагеря уничтожения.

Бригадир тут защитить не может, а охранники не более, чем караулы вверх, держаться за все солидинки, которые бросает ему в лицо, твой единственный призрак спасения губит людей.

Важно было, как бы там ни было, не выйти из бригады, но только в тех пределах, которые ему позволяла жизнь. Она подстраивалась к нему, на приисках далеко не едешь, мажешь дер в очередном замесе, заблещиваешь, авансированные кубики, и тогда бригадир, если он есть, Галам, бригадир и есть, проверенному, по надежному пути — выбивать эти кубики из работяг-доходяг, выбивать в самом реальном физическом смысле — кайлом по спине, и как только выбивать становится нечего, бригадир, казалось бы, должен ехать работать, сам разде-

более высокий, чем бригадир. Десятник уже прошел кавальерийский кирасирский путь. Брать летит и дел, работяг беспредельна.

В колеблющемся свете лампы с лампочкой, которая в бригаде с угловыми трубочками с горящими фитилями из таежных мушкетерских патронов, свет для колымских работяг и доходяг — я разглядел в его фактуре, в его деснишке, нового хозяина нашей жизни и смерти.

Вот так же, как и давным-давно, его мужной сорводе стихов. Какая-то более важная, более вечная, чем скандал, мысль нагрянула, звенела, но никак не могла вырваться в мой тогдашний довар, на какие-то мысли, как мозга, которыми еще пользовался мозг доходяги. Чьи-то железные пальцы давили память как тубик с испорченным клеем, выдавливая, выгоняя вверх каплю, капелюку, которая еще сохранила человеческие свойства.

тот рубеж, после которого всё лежит по ту сторону добра и зла, и самый процесс «допływания» убыстряется лавиноподобно. Цепная реакция, выражаясь современным языком. Тогда мы не знали об атомной бомбе, о Хиросиме и Ферми. Но неупорядоченность, необратимость «допływания» была нам известна отлично.

Потому-то и была эта куртка немногоисленная в статистике и многочисленных мемуарах точная, исторически добытая формула: «Человек может доплыть в две недели». Это норма для силча, если его держать на коленях, если не дать пять часов сна, если не дать по четырнадцать часов на тяжелой работе, бить, корчить, как лагерным пайком и не давать спать.

Я всё это знал, понимал, но в те дни, когда я скитался от больницы до забоя и обратно восемь лет, мне было не до себя. Вспомню, как в Центру провизия привела Лёшу Чеканова в наш барак. Я только что заснул крепким веселым сном со смутным ощущением какого-то радостного события, которое вот-вот наступит.

По лицу Лёши Чеканова было ясно, что он меня узнал и, конечно, по моему Лёша Чеканов тогда улыбнулся. У бригадира он тут же перевалился в мою сторону по-прежнему. Характеристика была дана: «Человек может доплыть в две недели».

людьми, телами строителя. Здесь и началась одна из моих страстей.

Каждый день на глазах всей бригады Сергей Полупан меня бил: ногами, кулаками, поленом, рукояткой кайла, лопатой. Выбивал у меня грамотность. Битье повторялось ежедневно. Бригадир Полупан носил теленчик, куртку, зовую куртку из телячьей шкуры — чей-то подарок или взятка, чтобы откупиться от кулаков, вымолить отдых хоть на один день.

Разгорячившись, Полупан снимал куртку и оставался в телогрейке, управляясь с ломиком и кайлом еще более свободно. Полупан выбил у меня несколько зубов, надломил ребро. Утренние избиения продолжались столько времени, сколько пробыл на этом прииске, и «Спокойном»...

По рапорту бригадира Полупана, утвержденному начальником прииска и начальником ОЛПа, я был отправлен в Центральное северное управление — в поселок Ягодный как злостный флинт для возбуждения уголовного дела и нового героя. Я сидел в юнаторе в Ягодном под следствием, завелось дело, шло допросы. Инициатива Лёши Чеканова обозначилась достаточно ясно.

Взлетела весна сорок четвертого, аркагаламская весна на Колыме. В Ягодном гонимые следователи на рабочих местах начали выискивать

Варла́м ШАЛАМОВ

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя

зальет страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди шетинящихся гор,
Друзья просят
слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые

Буеет

Цветы на голом
горном склоне
Где для ливней и муссонов
Как будто брошенный

балкон
И разлетелся в брызги
Они лежат в пыли дорожной,
Едва живые чудеса...

Их собираю осторожно

Буеет

«Колымских рассказов»

Новый срок - десять лет - в 1943 году он зачем-то назвал Бунина русским классиком. За этим последовали 4 классические русских стихии: голод, побой, унижения. Правда, через три года Шаламову улыбнулась фортуна - один колымский врач-фельдшер отправляет его на левый берег, в центральную больницу, и это спасло его писателя.

Свидетельство о воскресении

Константин КРАВЦОВ

Десять лет назад, в 1997 году, по случаю 70-летия Варлама Шаламова, трудно представить писателя с более трагичной судьбой. Двадцать лет «колымского ада», не считая лет в лагерях до войны, этот ад породившей, одинокая старость в доме для престарелых и наконец смерть в специнтернате для пенсионеров, где он прожил последние дни. Писатель скончался 17 января 1982 года.

Шаламов «претерпел до конца» и поэтому в итоге «спасен будет». Он испытал в своей жизни все, что может случиться на этой земле: страдание и страдание, подвиги и подвиги, но не делал в себе силы оставить покаяние. Он не сравнивал свое свидетельство о том, что может пережить человек, с свидетельством очевидца о таком размахе зла, который покажется в любом другом веке, кроме нашего, фантазмагорией, параноидальным бредом, и о победе над этим злом человеческого духа.

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам» —

рах, приходит — почему и откуда? — понимаю, что это тонкая игра в определенные минуты, из которых складывается вся жизнь. И десятилетия, и десятилетия всегда, что машина духовно-физическая сжигает себя, применительно к тебе работала вхолостую, что тебе впрямь всем, чем ты занимаешься, себя уважать? Минута, когда машина была бы быть сметены нечего и неслета так, что ты бы так же, как и я, — напротив, определились яснее и точнее, чем раньше, и вообще не стало прощенья? Минута, когда с тобой или я, а ты или ты, личность открывалась, но смерть тебе не страшна, то есть у тебя нет той власти, являющейся наряду с родовым инстинктом, если верить отцу психоанализа, главной целеполагающей мотивацией человеческого поведения и в том числе творчества?

ме, как у Солженицина, а об «этом мире». О героическом внутреннем противостоянии миру сему, а не только миру лагерному, как это со всей очевидностью раскроется в последних, предсмертных стихах Шаламова. Большой, лишенный зрения и слуха старик, торжествует свою очевидную победу над «силой этого мира» и понимает, как понимал на нарастающей высоте для Гёте точки человеческого бытия, кто и может сказать «остановись, мгновенье, ты прекрасно», то есть сказать смерти свое «да!», зная, что смерть не перечеркнет этого мгновенья, а сделает его вечным: Вот так умереть, как Коперник, от счастья не раньше, не позже — теперь, Когда даже жизнь перестанет стучаться В твою одинокую дверь. Дата похорон его — знак для всех, кто помнит, что 19

- В 1957 году Шаламов был реабилитирован, вернулся в Москву и, работая в журнале "Москва" внештатным корреспондентом, печатал очерки и зарисовки. Другими редакциями рассказы Шаламова возвращаются - их не устраивает шаламовский "абстрактный гуманизм". Писатель переживает его чрезвычайно тяжело, он чувствует себя ненужным обществу.

- Он был освобожден в 1951-м, но уехать на "материк" не смог.
- В 1952 году волею случая завязывается пятилетняя переписка с самим Борисом Пастернаком, где, по моему личному мнению, Шаламову удалось блеснуть своим писательским мастерством.

- Но он продолжает серьезно работать - в 1961 году выходит в свет сборник стихов "Огниво", в 1964-м - "Шелест листьев", в 1967-м - "Дорога и судьба".
- Еще через четыре года дописана повесть "Четвертая Вологда" (1971), в 1973-м году завершена работа над "Вишерой", "Федором Раскольниковым" и сборником рассказов "Перчатка". Шаламов работал до последних дней - даже в тяжелейшем состоянии здоровья он диктовал стихи и воспоминания.
- Зиму он не любил. Зимой он часто болел, простужался. 17 января 1982 года Шаламов умер.

- В 1987 появились первые серьезные публикации его прозы и стихов из колымских тетрадей. Общество внезапно заинтересовалось его работами, и появились издания сборников "Колымские рассказы", "Левый берег", "Артист лопаты", "Очерки преступного мира", "Воскрешение лиственницы", "Перчатка, или КР-2". Над этой эпопеей автором велась с 1954 по 1973 год - к ней примыкают также "Воспоминания" о Колыме и "Антироман", включающий в себя цикл рассказов о лагерях Вишеры.
- Рассказ «Белка», «Воскрешение лиственницы»

